

- Garner R. 1990: From Homer to Tragedy: The Art of Allusion in Greek Poetry. L.
- Hardie P.R. 1986: Virgil's *Aeneid*: *cosmos* and *imperium*. Oxf.
- Hardie P.R. 1998: Virgil. Oxf.
- Harrison S.J. 2007: Generic Enrichment in Vergil and Horace. Oxf.
- Kallendorf C. 2007: The Other Virgil: 'Pessimistic' Readings of the *Aeneid* in Early Modern Culture. Oxf.
- Knauer G.N. 1964: Die Aeneis und Homer: Studien zur poetischen Technik Vergils mit Listen der Homerzitate in der Aeneis. Göttingen.
- Knight V. 1995: The Renewal of Epic: Responses to Homer in the *Argonautica* of Apollonius. Leiden.
- König A. 1970: Die Aeneis und die griechische Tragödie: Studien zur Imitatio-Technik Vergils. Freie Univ. Berlin.
- Kraias G. 2008: Epische Szenen In tragischem Kontext: Untersuchungen zu den Homer-Bezüge bei Aischylos. Albert-Ludwigs-Univ. Freiburg.
- Kyriakou P. 1995: Homeric *hapax legomena* in the *Argonautica* of Apollonius Rhodius: A Literary Study. Stuttgart.
- Lyne R.O.A.M. 1987: Further Voices in Vergil's *Aeneid*. Oxf.
- Mori A. 2008: The Politics of Apollonius Rhodius' *Argonautica*. Cambr.
- Nelis D. 2001: Vergil's *Aeneid* and the *Argonautica* of Apollonius Rhodius. Leeds.
- Panoussi V. 1998: Epic Transfigured: Tragic Allusiveness in Vergil's *Aeneid*. Brown Univ.
- Parry A.M. 1963: The Two Voices of Virgil's *Aeneid* // *Arion*. 2, 66–80.
- Schiesaro A. 2008: Furthest Voices in Virgil's *Dido* // *Studi italiani di filologia classica*. 6, 60–109, 194–245.
- Schmakeit I.A. 2003: Apollonios Rhodios und die attische Tragödie: Gattungsüberschreitende Inter-
textualität In der alexandrinischen Epik. Rijksuniv. Groningen.

Б.А. Каячев,
аспирант отделения классической филологии
Университета Лидса (Великобритания)

© 2011 г.

A.J.B. SIRKS. The Theodosian Code. A Study (Studia Amstelodamensia. Studies in Ancient Law and Society. Vol. XXXIX). Friedrichsdorf, 2007. X, 288 p. ISBN 978-3-00-022777-6

Известный историк постклассического права, заведующий кафедрой римского права Оксфордского университета, вице-президент Международной ассоциации «Accademia Romanistica Costantiniana» профессор Б. Сиркс опубликовал исследование, посвященное Кодексу Феодосия, и подвел тем самым своеобразные итоги собственной многолетней деятельности по изучению этого памятника права¹.

Как пишет сам исследователь в заключительном разделе монографии, «ни одно исследование не начинается с чистого листа, и если мы пришли здесь к каким-то выводам, то они сделаны в связи с выводами других ученых, и наши выводы всего лишь поясняют их утверждения» (с. 254). Действительно, книгу Сиркса нельзя назвать «революционной». Она, скорее, вносит некоторые уточнения, добавляет определенные – иногда интересные, иногда спорные – детали в уже существующую картину устоявшихся в научном мире представлений о Кодексе Феодосия.

Книга состоит из 11 глав, заключения, приложения и библиографии. Первая глава посвящена «предтечам» Кодекса Феодосия, таким, как Григорианов и Гермогенианов кодексы и *Fragmenta Vaticana*. Кроме того, рассматривается вопрос о программе «мини-систематизации» права, получившей отражение в конституции от 7 ноября 426 г., части которой воспроизводятся как в Кодексе Феодосия (C.Th. I. 4. 3), так и в Кодексе Юстиниана (C. I. 14. 2; I. 14. 3; I. 19. 7; I. 22. 5).

Далее, в главах II–VI, Сиркс подробно исследует вопросы, которые традиционно рассматриваются в научной литературе, посвященной истории создания Кодекса Феодосия. Так, во II главе он

¹ См., например: Sirks 1986; 1993; 1996a; 1996b; 2003; 2007, etc.

обращается к изучению причин, приведших к появлению Кодекса, в III главе исследует «вводные» конституции Кодекса, а именно: CTh. I. 1. 5 и I. 1. 6, а также конституцию императора Феодосия II от 15 февраля 438 г. (Nov. Theod. 1); в IV главе разбираются вопросы структуры Кодекса, проблемы стиля и языка включенных в него императорских конституций, а также действительности этих конституций и т.п.

V глава полностью посвящена вопросам создания Кодекса Феодосия, а именно, методам работы составителей Кодекса, проблеме происхождения текстов императорских конституций, включенных в Кодекс, анализу ряда терминов и выражений, используемых в текстах (например: *vis sanctionis, post alia, et cetera*). В VI главе анализируется вопрос о соотношении программ систематизации права 429 и 435 гг., получивших отражение, соответственно, в CTh. I. 1. 5 и I. 1. 6.

В VII и VIII главах автор уделяет внимание вопросу о введении в действие Кодекса Феодосия в Восточной и Западной империях, основываясь на материалах первой новеллы императора Феодосия II (Nov. Theod. 1) и протокола заседания Сената Рима (*Gesta Senatus Romani de Theodosiano publicando*).

В следующих трех главах Сиркс касается проблем, связанных с памятниками права, которые появились уже после издания Кодекса Феодосия. В IX главе говорится о постклассических комментариях к Кодексу, таких, как *Summaria Antiqua*, и включенных в Бревиарий Алариха толкованиях (*interpretationes*) конституций Кодекса. В X главе анализируются Новеллы, изданные после обнародования Кодекса Феодосия, но до начала правления императора Юстиниана (*Novellae post-Theodosianae*). Наконец, в XI главе обсуждаются проблемы датировки и происхождения так называемых Сирмондиевых конституций (*Constitutiones Sirmondianae*).

К числу несомненных достоинств монографии Сиркса относится его стремление рассматривать Кодекс Феодосия в рамках римской правовой традиции, т.е. не как некое изолированное явление, а помещая его в историко-правовой контекст, исследовать и предшествовавшую его созданию культурную традицию, и те правовые сборники, которые появились уже после обнародования Кодекса. Так, анализируя такой памятник, как *Fragmenta Vaticana*, ученый утверждает, что его автор выделил ряд интересовавших его тем, затем распределил по определенным рубрикам фрагменты сочинений классических юристов, а потом поместил в соответствующие разделы императорские конституции, т.е. сделал как раз то, что предполагал сделать император Феодосий II в своем втором кодексе, согласно программе CTh. I. 1. 5. Таким образом, утверждает Сиркс, задолго до начала систематизаторской деятельности Феодосия II уже существовали образцы и модели (помимо *Fragmenta Vaticana*, Грегорианов и Гермогенианов кодексы), которыми император мог руководствоваться (с. 9).

Автор делает целый ряд весьма любопытных замечаний, относящихся как непосредственно к вопросам, касающимся Кодекса Феодосия, так и к другим аспектам истории римского классического и постклассического права. Так, утверждается, что в классическом Риме не только судопроизводство, т.е. правоприменение, но также и правотворчество осуществлялось не в письменной, а в устной форме (с. 20–23). Сиркс указывает на преобладание в классическом и даже постклассическом Риме устного правового акта. Для подтверждения своей мысли автор ссылается на то обстоятельство, что выраженной в устной форме воле наследодателя отдается предпочтение перед его же волей, выраженной в письменной форме в завещании (с. 22, со ссылкой на С. VI. 23. 7 – 290 г., С. VI. 23. 9 – 531 г.). Кроме того, автор ссылается на термин «эдикт», который дословно означает: «то, что было объявлено / приказано», а также на конституцию С. VII. 62. 6 (294 г.), которую он считает эдиктом и которая начинается словами «*Idem AA. et CC. dicunt*» (с. 22).

Рескрипты, по мнению Сиркса, в своей первоначальной форме были устными, а потом записывались (с. 22)². Данный вопрос автор затрагивает в связи с проблемой вступления соответствующих правовых актов в юридическую силу. Сиркс полагает, что правовые акты вступали в силу и начинали действовать не после их официального опубликования посредством эдикта наместника провинции или обнародования иным способом, а с момента их принятия субъектом правотворчества, т.е., поскольку речь идет о Поздней империи, с момента их принятия императором.

По мнению Сиркса, официальное опубликование правового акта стало общепринятой практикой, однако необходимым условием вступления акта в силу не было (с. 88–89). В подтверждение своей гипотезы исследователь ссылается на монографию Бьянки Фоссати Ванцетти³, в которой на материалах новелл Валентиниана III доказывается, что императорское постановление вступало в силу с момента *datio*, утверждения императором проекта постановления, предложенного чиновниками императорской канцелярии, т.е., собственно говоря, с момента принятия соответствующего постановления императором, а не с момента его официального опубликования. Сиркс принимает данную

² См. Sirks 2001, 121–135.

³ Bianchi Fossati Vanzetti 1988, 59–67.

гипотезу (с. 88–89) и предлагает частично пересмотреть (с. 89, прим. 230) положение Ф. Швинда о конституирующем значении официального опубликования правового акта⁴.

Концепция Сиркса вызывает, однако, целый ряд возражений. Прежде всего, нельзя современное понимание значения официального опубликования нормативно-правового акта навязывать правовой системе Поздней империи. Можно говорить о существовавших в то время тенденциях в развитии концепции источника права, которые допустимо оценивать как близко подошедшие или примерно соответствующие современному юридическому понятию. Трудно ожидать, что в какой-нибудь новелле императора Феодосия II будет указано, что она вступает в силу с момента ее официального опубликования в форме эдикта префекта города Константинополя. Если же говорить о тенденции постклассической правовой мысли связывать общеобязательность нормативно-правовых актов с их «общезвестностью», то она, несомненно, существовала⁵.

Концепция Сиркса никоим образом не объясняет причину появления в императорских конституциях V в. ставшей стандартной инструкции об опубликовании текста постановления в форме эдиктов наместника провинции – адресата письма императора⁶. Если уже в IV в. существовала укоренившаяся практика опубликования императорских постановлений, которое не имело формально-юридического значения, то как объяснить включение подобной формулы в императорские конституции V в.?

Далее, исследование, на основании которого строит свою гипотезу Сиркс, охватывает только новеллы Валентиниана III, тогда как работа П. Вочи, который пришел к выводу о том, что неопубликованная императорская конституция не имела юридической силы, базируется на анализе «западных» и «восточных» императорских постановлений IV и V вв.⁷ В целом, прежде всего, ясного и определенного ответа требует именно этот вопрос: известны ли нам императорские конституции, которые никогда не были каким бы то ни было образом опубликованы, но тем не менее вступили в силу?

Таким образом, проблема официального опубликования нормативно-правовых актов в эпоху Поздней империи требует дальнейшего изучения; в настоящее же время можно только выразить сомнения в обоснованности теории Швинда, тогда как основания для кардинального ее пересмотра пока отсутствуют.

Сиркс достаточно подробно рассматривает еще один достаточно важный для истории постклассической правовой мысли вопрос – понятие «generalitas». Несомненно, исследователь не мог не коснуться в работе, посвященной Кодексу Феодосия, проблемы *lex generalis*, хотя он основывается, по существу, на своих предшествующих работах по данному вопросу⁸. «Generalitas» Сиркс исследует на материале фрагментов «западной» императорской конституции 426 г., включенных в Кодекс Юстиниана (С. I. 14. 2 и I. 14. 3). Автор полагает, что во II и III вв. в понятии «generalitas» скрывались сразу две концепции, согласно первой из которых «generalitas» есть «всеобщность» устанавливаемой в императорской конституции правовой нормы в связи с регулируемым ею максимально широким кругом общественных отношений, тогда как, согласно второй концепции, рассматривается другой аспект действия «всеобщего закона», а именно, территориальный. В конституции С. I. 14. 3, по мнению Сиркса, выражена иная концепция «generalitas»: абстрактно сформулированная правовая норма считается общеобязательной, в связи с «универсальностью» формулировки. Понятие «generalitas» продолжает включать в себя два аспекта: универсальность и всеобщность (с. 30–35).

Кроме того, Сиркс говорит о критериях отнесения императорских постановлений к «всеобщим» и полагает, что в С. I. 14. 3. 1 указывается «существенный» критерий, который дополнил критерий «формальный», сформулированный в С. I. 14. 3рг., согласно которому в том случае, когда правовая норма сформулирована абстрактно, она является общеобязательной (с. 31–32). По мнению исследователя, в конституциях CTh. I. 1. 5 и I. 1. 6 отражена та же концепция «всеобщего закона», что и в С. I. 14. 2 и С. I. 14. 3, которая, впрочем, содержит некоторые уточнения: в CTh. I. 1. 6 к «всеобщим законам» отнесены и те конституции, которые действовали не во всей империи, но в отдельных городах или провинциях, т.е. действие которых было территориально ограничено; критерием их отнесения к «всеобщим законам» было их «общее значение» (с. 70–71).

Рассмотрим несколько подробнее тексты С. I. 14. 2 и С. I. 14. 3, а также программные конституции Кодекса Феодосия (I. 1. 5 и I. 1. 6). В первых двух фрагментах регулируется действие правовых актов по кругу лиц. Точнее, в фрагменте С. I. 14. 2 нормативно-правовые акты противопоставляются, во-первых, индивидуальным правоприменительным актам; во-вторых, актам, действие которых распространяется только на определенный круг лиц; а в С. I. 14. 3 определяются признаки,

⁴ Schwind 1940.

⁵ См. Nov. Theod. 1. 4; Summa. 3. 5; Tanta 12 (13).

⁶ См. Kussmaul. 1981, 54–56, 61, 65.

⁷ Voci 1985, 276–396.

⁸ См., например: Sirks 2003, 155–163.

характеризующие правовые акты, содержащие общеобязательные правовые нормы. Как уже неоднократно подчеркивалось различными исследователями, критерии отнесения императорского постановления к «всеобщим законам» имеют сугубо формальный характер⁹. Согласно С. I. 14. 3, «всеобщими», т.е. общеобязательными¹⁰, являются те императорские постановления, 1) которые адресованы сенату; 2) которые сам император называет «эдиктами»; 3) которые наместники провинций должны были обнаруживать в форме собственных эдиктов (*programmata*); 4) в которых императоры явно (*expressius*) указывают, что принятое ими по данному конкретному делу решение имеет значение общеобязательного правила при рассмотрении других подобных дел; 5) будет иметь силу эдикта то постановление, которое названо «всеобщим»; 6) действие которого распространяется на всех лиц.

В этом перечне сложно усмотреть какой-либо «неформальный», относящийся к содержанию, критерий отнесения императорских конституций к «всеобщим законам». Признаком «всеобщего закона» является не абстрактность формулировки содержащейся в нем нормы, а, в том числе, прямое указание на то, что норма действует в отношении максимально широкого круга лиц.

Во фрагменте CTh. I. 1. 6 можно усмотреть несколько иную концепцию «всеобщего закона». В данном тексте предусматривается, как справедливо отмечает Сиркс, включение в создаваемый кодекс конституций, адресованных отдельным городам и провинциям¹¹ и не соответствующих определению *leges generales*, установленному в С. I. 14. 3. Подобные конституции приравниваются к *leges generales* и наряду с ними включаются в создаваемый кодекс. В данном случае можно предположить, что эти конституции могли отбираться в соответствии с их нормативно-правовым содержанием, а не по формальным признакам. Отсутствие точных данных о включении в I книгу Кодекса Феодосия конституции С. I. 14. 3 можно объяснить не случайностью, т.е. плохой сохранностью источника, а скорее сознательным выбором составителей Кодекса Феодосия, которые придерживались иной концепции *lex generalis*, чем представленная в указанной конституции, и в этой концепции должен был присутствовать также и «содержательный», а не только «формальный» критерий¹².

В связи с вышесказанным следует заметить, что в рассмотренных фрагментах действительно выражено две концепции *generalitas*, однако скорее всего они не сводятся к понятиям универсальности и всеобщности, как это предполагает Сиркс. В С. I. 14. 2 и 3 речь идет о «всеобщих законах», которые являются «всеобщими», поскольку действуют в отношении всех; конституция является «всеобщей», если император указал, что она общеобязательна. Согласно CTh. I. 1. 6, «всеобщим законом» может быть императорская конституция, действующая в отношении ограниченного круга лиц; «всеобщность» подобной конституции определяется, по всей видимости, тем, что она содержит общезначимую правовую норму. Поэтому можно предположить, что выраженная в CTh. I. 1. 6 концепция *generalitas* не уточняет, а принципиально отличается от концепции текстов С. I. 14. 2 и 3; да и в последних текстах говорится о нескольких иных аспектах «всеобщего закона», чем те, на которые указывает исследователь.

Отдельный параграф Сиркс посвящает проблеме структуры Кодекса Феодосия. В целом он принимает теории Г. Скерилло¹³ и Дж.Г. Арки¹⁴. Достаточно подробно исследователь рассматривает только XVI книгу Кодекса, и здесь он выдвигает собственную гипотезу, согласно которой первоначально Кодекс состоял из 15 книг, а XVI книга была включена в него по итогам Эфесского собора с целью утверждения среди христиан единства (с. 82). В подтверждение своей идеи исследователь приводит такой довод, как несогласованность и противоречия конституций XVI книги¹⁵, что, по его мнению, свидетельствует о поспешности, с которой она составлялась. Кроме того, результатом случайности и спешки составителей Кодекса объясняет Сиркс тот факт, что XVI книга помещена в конце Кодекса Феодосия, тогда как в Кодексе Юстиниана предмет регулирования данной книги рассматривается в самом начале (с. 82). Более того, ученый утверждает, что почти все нормы, относящиеся к церковной проблематике, помещены именно в XVI книгу Кодекса Феодосия, и вне данной книги в остальном тексте Кодекса Феодосия есть очень мало конституций, регулирующих отношения, касающихся христианской веры (с. 82, прим. 207).

⁹ Bianchini 1979, 103, 145–147; Wal 1981, 295–296; Bassanelli Sommariva 1983, 305.

¹⁰ С. I. 14. 3pr.: *Leges ut generales ab omnibus aequabiliter in posterum observentur...*

¹¹ CTh. I. 1. 6pr: *Omnes edictales generalesque constitutiones vel in certis provinciis seu locis valere aut proponi iussae...*

¹² См. Сильвестрова 2007, 37–40.

¹³ Scherillo 1934; 1935.

¹⁴ Archi 1976.

¹⁵ Сиркс, впрочем, не утруждает себя какими-либо доказательствами в пользу данного тезиса.

С данными утверждениями автора, к сожалению, нельзя согласиться. Прежде всего, в I–XV книгах Кодекса Феодосия содержится 93 императорских конституции, регулирующие правоотношения, связанные с христианской Церковью¹⁶; в XVI книгу вошел 201 фрагмент императорских постановлений, и далеко не все они посвящены христианской Церкви. Что касается помещения основной массы императорских конституций по данной тематике в конце, а не в начале Кодекса Феодосия (в отличие от Кодекса Юстиниана), то здесь можно говорить скорее не о случайности, а о сознательном решении составителей Кодекса Феодосия. Такое расположение конституций по религиозной тематике обусловлено особенностями структуры последнего. Дж. Бароне-Адези выдвинул гипотезу, и с нею, по всей видимости, следует полностью согласиться: те императорские постановления, которые, хотя и были посвящены христианской тематике, но соответствовали традиционной для римских юридических сочинений системе, были помещены составителями Кодекса Феодосия в основные (традиционные) разделы; те же императорские постановления по религиозной проблематике, которые этой системе не соответствовали, рассматривались в «приложении» к основным разделам Кодекса¹⁷. В подтверждение этой гипотезы следует отметить, что в полном соответствии с таким принципом организации нормативно-правового материала в отдельной книге Кодекса, составляющей часть «приложения», рассматриваются специфические вопросы, касающиеся декурионов (XII книга Кодекса Феодосия).

Несколько проблем, связанных с Кодексом Феодосия, так и не получили решения в книге Сиркса. Так, исследователь пытается составить представление о методах работы составителей Кодекса Феодосия и в рамках подобной реконструкции подробно анализирует структуру и содержание 30–38 титулов XI книги Кодекса (с. 258–269), однако сразу же оговаривается, что в результате отсутствия достаточных данных подобный анализ обречен на неудачу, и повторить подвиг Блюме в отношении Кодекса Феодосия, т.е. исследовать структуру кодекса и понять методы работы его составителей, ему не удастся (с. 145). Автор говорит о возможном существовании в кодексе интерполяций (с. 177), но не приводит каких-либо аргументов в пользу этого утверждения, а лишь ссылается на статьи О. Граденвитца¹⁸ и С. Солацци¹⁹.

Рассматривая вопрос о программе составления кодексов 429 г., ученый повторяет достаточно распространенный в литературе, посвященной Кодексу Феодосия, тезис о том, что в случае осуществления данной программы Кодекс Феодосия был бы, предположительно, схожим с Василиками, а именно, представлял бы собой кодекс императорских конституций и фрагментов юридических сочинений (с. 178). Никакого анализа соответствия программы 429 г. системе и назначению Василики автор, к сожалению, не предлагает.

Как уже было сказано выше, Сиркс фактически не исследует вопрос о системе Кодекса Феодосия, а только повторяет, с небольшими уточнениями, положения Скерилло и Арки. Автор лишь упоминает проблему преобладания в Кодексе норм публичного права над нормами частного права, но не предлагает ее решения (с. 79–80)²⁰.

Некоторое удивление вызывает тот факт, что исследователь приводит в своей монографии фрагменты перевода Кодекса Феодосия, выполненные К. Фарром²¹. Автор постоянно критикует этот перевод (с. 60, прим. 148–149; с. 61, прим. 152; с. 69–70; с. 151, прим. 412 и т.д.), вносит в него исправления, но тем не менее собственный перевод не приводит, а продолжает ссылаться на текст Фарра. Сиркс утверждает, что перевод Фарра все еще очень полезен (с. 57, прим. 140), хотя он и внес в этот текст некоторые изменения. Вместе с тем эти исправления зачастую полностью меняют смысл переводимого фрагмента (см., например: с. 60, прим. 148; с. 61, прим. 152), поэтому стремление автора придерживаться перевода Фарра вызывает вопросы.

И все же, несмотря на некоторые недостатки и спорные моменты рецензируемую монографию можно назвать своеобразным компилюмом современных знаний о Кодексе Феодосия. Работа Сиркса подводит итоги многолетних изысканий, в том числе и его собственных, связанных с Кодексом Феодосия, и одновременно указывает направление будущих исследований.

¹⁶ Les lois religieuses... 2009, 7–9.

¹⁷ Barone-Adesi 1998.

¹⁸ Gradenwitz 1913; 1917.

¹⁹ Solazzi 1944; 1947–1948.

²⁰ Попытка решения данной проблемы предпринята автором настоящей рецензии: Сильвестрова 2006, 43–52; Silvestrova 2007, 5157–5163.

²¹ The Theodosian Code... 1952.

Литература

- Сильвестрова Е.В. 2006: Императорский рескрипт в Кодексе Феодосия и Кодексе Юстиниана // ВДИ. 2, 43–52.
- Сильвестрова Е.В. 2007: Lex generalis. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V–X вв. н.э. М.
- Archi G.G. 1976: Teodosio II e la sua codificazione. Napoli.
- Barone-Adesi G. 1998: Ricerche sui *corpora* normativi dell'impero romano. 1 – I *corpora* degli iura tardoimperiali. Torino.
- Bassanelli Sommariva G. 1983: La legge di Valentiniano III del 7 Novembre 426 // Labeo. 29, 281–313.
- Bianchini M. 1979: Caso concreto e «lex generalis». Per lo studio della tecnica e della politica normativa da Costantino a Teodosio II. Milano.
- Bianchi Fossati Vanzetti M. 1988: Le Novelle di Valentiniano III. I fonti. Padova.
- Gradenwitz O. 1913: Interpolationen im Theodosianus? // ZSS. 34, 274–294.
- Gradenwitz O. 1917: Weitere Interpolationen im Theodosianus // ZSS. 38, 35–72.
- Kussmaul P. 1981: Pragmaticum und Lex. Formen spätrömischer Gesetzgebung 408–457. Göttingen.
- Les lois religieuses... 2009: Les lois religieuses des empereurs romains de Constantin à Théodose II (312–438). Vol. II: Code Théodosien I–XV, Code Justinien, Constitutions Sirmondiennes (Sources Chrétiennes. 531). P.
- Scherillo G. 1934: Teodosiano, Gregoriano, Ermogeniano // Studi in memoria di Umberto Ratti / A cura di E. Albertario. Milano, 427–323.
- Scherillo G. 1935: Il sistema del Codice Teodosiano // Studi Albertoni. Vol. I. Padova, 513–538.
- Schwind F.F. 1940: Zur Frage der Publikation im römischen Recht. München.
- Silvestrova E. 2007: Imperial Rescripts and the Theodosian Code // Fides Humanitas Ius. Studi in onore di Luigi Labruna. Napoli, 5157–5163.
- Sirks A.J.B. 1986: From the Theodosian to the Justinian Code // AARC. VI. Perugia, 265–304.
- Sirks A.J.B. 1993: The Sources of the Code // J. Harries, I. Wood (eds.). The Theodosian Code. L., 59–61.
- Sirks A.J.B. 1996a: The Summaria Antiqua Codicis Theodosiani in the ms. Vat. reg. Lat. 886 // ZSS. 113, 243–267.
- Sirks A.J.B. (éd.) 1996b: Summaria Antiqua Codicis Theodosiani. Réédition avec les gloses publiées dans Codicis Theodosiani fragmenta Taurinensia (ed. P. Krüger). Amsterdam.
- Sirks A.J.B. 2001: Making a Request to the Emperor: Rescripts in the Roman Empire // Impact of Empire / L. de Blois (ed.). Amsterdam, 121–135.
- Sirks A.J.B. 2003: Observations on the Theodosian Code: *lex generalis*, validity of laws // AARC. XIV. Napoli, 155–163.
- Sirks A.J.B. 2007: Observations on the Theodosian Code V: What did the Senate of Rome confirm on Dec. 25th, 438? What did the commission of 429 do? // AARC. XVI. Napoli, 131–151.
- Solazzi S. 1944: Glossemi e interpolazioni nel Codice Teodosiano // SDHI. 10, 208–216.
- Solazzi S. 1947–1948: Ancora glossemi e interpolazioni nel CTh // SDHI. 13–14, 199–239.
- The Theodosian Code... 1952: The Theodosian Code, Novels and the Sirmondian Constitutions / Transl. by C. Pharr. Princeton.
- Wal N. van der 1981: *Edictum* und *lex edictalis*. Form und Inhalt der Kaisergesetze im spätrömischen Reich // RIDA. 3e sér. 28, 277–313.
- Voci P. 1985: Note sull'efficacia delle costituzioni imperiali. I. Dal principato alla fine del IV secolo; II. Il V secolo / *Idem*. Studi di diritto romano. II. Padova, 276–396.

Е.В. Сильвестрова,
кандидат исторических наук